

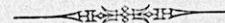
20 — ⁵ / 163

Стефанович

Н. Я. МАРРЪ.

×

Кавказовѣдѣніе и абхазскій языкъ.

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1916.

3287-06

Rn
8640

2005304445

20-163

804-13
258

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

3287-06

и 99
139

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ИСКУССТВ А. И. СССР

1494V

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

КАВКАЗОВѢДІЕ И АБХАЗСКИЙ ЯЗЫК¹⁾.

I. Этнографический и археологический интерес Абхазии.—II. Абхазский язык, работа над ним и сотрудничество абхазов.—III. Ненормальные условия развития кавказовѣдѣнія и запоздалое изучение абхазского языка.—IV. Яфетическая теория и абхазский язык.—V. Роль письменных языков в количественном соотношении представителей спирантной и сибилантной вѣтвей яфетических языков. Аварский язык, албано-аланский вопрос и абхазский язык.—VI. Этапы развития яфетической теории, приведшіе къ изученію абхазского, и толчетъ отъ абхазского.—VII. Абхазы-мореходы.—VIII. Абхазы и кавказское сказаніе о Прометѣѣ.—IX. Помощь абхазского въ изученіи мертвых яфетических языков.—X. Очередная программная работа по яфетическому языковѣдѣнію.

I.

Какъ съ изученіемъ языка и литературы древнихъ народовъ съ національной письменностью въ настоящее время неразрывно связана археологія, такъ съ изученіемъ языка и литературы древнихъ наро-

¹⁾ „Общество любителей и изслѣдователей природы и населенія Сухумскаго округа“ обратилось ко мнѣ съ просьбой сдѣлать сообщеніе о моихъ изслѣдованіяхъ въ Абхазіи. Предложеніе это я получилъ на мѣстѣ въ послѣднюю рождественскую поѣздку (1915—1916) въ Гудаутѣ, гдѣ въ это время я былъ занятъ провѣркой матеріаловъ по бызбскому варѣчию, очередной работой въ скромныхъ моихъ начинаніяхъ въ области изученія языка древнѣйшихъ обитателей этого богатнаго края, его аборигеновъ.

Набросанное въ пути подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ дѣйственныхъ матеріаловъ живой рѣчи, глубже ставшей открываться, сообщеніе обратилось въ лекцію и дало поводъ коснуться ряда общихъ вопросовъ по кавказовѣдѣнію, освѣщеніе которыхъ съ яфетидологической точки зрѣнія можетъ представить интересъ и для болѣе широкаго круга лицъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
Москва В. И. Ленин

довъ безъ письменности рука объ руку должно идти изслѣдованіе этнографіи, въ частности и прежде всего изслѣдованіе литературы и культа. Я вовсе не обмолвился, упоминая о литературѣ безписьменныхъ народовъ. Литература не только бываетъ у народовъ безъ письменности, но часто она является болѣе надежнымъ и богатымъ источникомъ для изученія языка, этой души народа, чѣмъ обширная искусственная литература съ письменностью, обыкновенно состоящая изъ сплошныхъ переводныхъ памятниковъ и въ большинствѣ, если не исключительно, подражательныхъ къ нимъ сочиненій. Правда, древнія письменныя литературы кавказскихъ народовъ съ одной стороны создали общественныя цѣнности, общіе литературные языки, еще съ V-го вѣка по Р. Х. Онѣ сохранили въ себѣ отложенія прошлой жизни. Въ нихъ мы находимъ драгоценный источникъ, напр., для исторіи христіанской церкви не только мѣстной, но и общей. Безъ помощи древне-армянской и древне-грузинской литературы теперь не можетъ обойтись ни одинъ, самостоятельно работающій по источникамъ, историкъ древне-христіанской церкви: эти народы въ своихъ переводахъ сохранили исчезнувшіе оригинальные памятники христіанской религіи громадной важности.

Но и устная литература носить въ себѣ всѣ качества создательницы общаго языка. Въ частности въ абхазской устной литературѣ и сейчасъ, когда работа только что начата собираніемъ ея памятниковъ, мы находимъ, очевидно, давно сложившійся общій во многихъ отношеніяхъ литературный языкъ, что же касается содержанія, то оно отражаетъ древнѣйшую религію кавказскихъ коренныхъ народовъ, астральный культъ съ поразительной жизненностью. Вообще абхазская живая старина, не только словесная, но и реальная, даетъ такую безпримѣрную полноту объ этой древнѣйшей религіи не одного Кавказа, а всего древняго Востока, колыбели европейской цивилизаціи, что одно это обстоятельство должно было бы обезпечить за абхазовѣдѣніемъ самостоятельное существованіе въ рядѣ историческихъ научныхъ дисциплинъ, входящихъ въ составъ кавказовѣдѣнія. Источникомъ наиболѣе значительнымъ по этому древнему культу изъ живыхъ народовъ и племенъ Кавказа являются сосѣди абхазовъ, мингрелы и сваны, да еще на Востокѣ грузинское племя—хевсурь. У остальныхъ кавказскихъ народовъ и племенъ этотъ культъ или сохранился въ ничтожныхъ переживаніяхъ или совершенно исчезъ гдѣ подъ вліяніемъ національной христіанской церкви, а гдѣ—денационализующей на Кавказѣ мусульманской религіи. Но пальма пер-

венства по полнотѣ сохранности этого архаичнаго культа принадлежить все-таки абхазамъ.

Абхазскій народъ заслуживаетъ, однако, самаго серьезнаго вниманія и историка христіанской культуры на Кавказѣ. Абхазскій народъ въ лицѣ его передовыхъ слоевъ, преимущественно знати, былъ долгое время, вѣками, сподвижникомъ носителей христіанскаго свѣта и его проповѣдниковъ въ сосѣднихъ странахъ. Языческимъ племенамъ христіанизованная часть абхазскаго народа могла нести евангельское ученіе, а христіанскимъ народамъ съ восточно-христіанской культурой—греческое просвѣщеніе. Съ этой точки зрѣнія требуетъ пересмотра и намѣчавшееся мною освѣщеніе личности абхаза Іоанна, «весьма близкаго человѣка и стойкаго единомышленника греческаго философа Іоанна Итала». Пересмотръ требуется въ сторону прямого этническаго толкованія термина «абхазъ» (а не культурно-историческаго взаимствія «грузинъ») въ устахъ І. Итала, называющаго именно абхаза Іоанна ученѣйшимъ. Мы раньше какъ будто старались, наоборотъ, замести слѣдъ значенія абхазскаго народа, какъ проводника византийскаго-христіанскаго началъ въ кавказскій міръ, используя и это столь ясное упоминаніе въ пользу грузинскаго народа ¹⁾. Родной край абхазскаго народа представляетъ археологическій интересъ для изслѣдователя не только христіанскаго искусства, но и памятниковъ значительно болѣе древнихъ эпохъ. Греческія колоніи и взаимодействія античной греческой культуры и мѣстной восточной, а не только вліяніе грековъ на абхазовъ, представляетъ первостепенный интересъ. Наступаетъ эпоха, когда одно-стороннее исканіе всегда и во всемъ греческаго вліянія должно найти поправку въ выясненіи того, какъ относились греки къ вѣрованіямъ Востока: сохраняя по именамъ своихъ боговъ и богинь, не надѣляли ли ихъ чертами, а въ культъ не вносили ли особенностей, мѣстное восточное происхожденіе которыхъ въ принципѣ уже не оспаривается?

Великая торговля съ толмачами на десяткахъ языковъ въ абхазскомъ городѣ привлекала, надо думать, всякаго типа искателей наживы, но, съ востока или запада, отовсюду они приходили изъ культурныхъ странъ, и происходилъ обмѣнъ не только товаровъ, но и идей.

¹⁾ Н. Марръ, *Іоаннъ Петрицкій, грузинскій неоплатоникъ XI—XII вѣка* (Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общества, т. XIX, 1909), стр. 108—109 = отд. стр. 56—57.

Археологическія разысканія въ краѣ по этому вопросу могли бы многое освѣтить, но для этого требуются большія раскопки и большія средства, а главное—кадръ специально подготовленныхъ ученыхъ. Между тѣмъ не только зарытыя въ землѣ древности, но и доступныя изученію памятники на поверхности земли мало, а бы сказать, нисколько не изслѣдованы, т. е. не изслѣдованы, какъ того требуетъ современное пониманіе научнаго дѣла. Не изучены специалистами даже христіанскіе памятники, болѣе многочисленные. Единственная научная работа это маленькій этюдъ въ нѣсколько страницъ, принадлежащій проф. Д. В. Айналову. Онъ посвященъ обломкамъ алтарной преграды, найденнымъ въ имѣніи г. Воронова въ Цесельдѣ и нынѣ находящимся въ Москвѣ. На нихъ весьма интересная рѣзба, рельефы сценъ изъ св. Писанія, которые графиня Уварова предполагала отнести къ XII—XIII вѣкамъ, но проф. Айналовъ вполне основательно опредѣлилъ ихъ значительно болѣе древнее время: его смущали нѣкоторыя подробности, не то онъ готовъ былъ отнести ихъ къ VI вѣку, однако, не признавъ ихъ столь древними, онъ выяснилъ, что они во всякомъ случаѣ не могли появиться позднѣе IX вѣка. Въ числѣ рельефовъ есть одинъ, представляющій жертвоприношеніе Исаака: Авраамъ приноситъ въ жертву сына Исаака, а по близости находится жертвенный баранъ. Но баранъ не стоитъ, запутавшись рогами въ вѣтвяхъ деревьевъ или захваченный ими, а повисъ на деревѣ рогами. Такое изображеніе не согласуется съ ходячимъ текстомъ св. Писанія и не имѣетъ аналогій ни въ одномъ изъ извѣстныхъ многочисленныхъ древне-христіанскихъ и вообще христіанскихъ скульптурныхъ или иныхъ изображеній той же самой ветхозавѣтной сцены¹⁾. Между тѣмъ съ такой именно подробностью („баранъ повисъ рогами на деревѣ“) находимъ скульптурное изображеніе жертвоприношенія Авраама на Дворцовой церкви въ городищѣ Ани. Армянскій рельефъ также опредѣляется временемъ не позднѣе IX вѣка, но онъ можетъ быть, если не считаться съ моею гипотезой о перестройкѣ, и произведеніемъ VI вѣка²⁾, такъ какъ Дворцовая церковь построена была въ этомъ столѣтіи. Способная смутить изслѣдователей византійскихъ и вообще западныхъ древностей подробность, именно висящій рогами

на деревѣ баранъ, объясняется тѣмъ, что вопреки греческому тексту Ветхаго Завѣта въ древнѣйшихъ восточныхъ версіяхъ, именно въ армянскомъ и грузинскомъ переводахъ, разсказывается, что „баранъ висѣлъ на деревѣ рогами“. Слѣдовательно, указанная подробность въ рельефѣ художникомъ была внесена не по недомыслию, а въ согласіи съ св. Писаніемъ по восточной версіи. Въ Арменіи такая версія св. Писанія существовала съ начала насажденія христіанства, такъ какъ въ ней христіанство насаждали не греки, а сирійцы. Въ Абхазіи, наоборотъ, такая версія появилась лишь по вытѣсненіи греческой церковности грузинской, что до IX—X вѣка не имѣло мѣста. Слѣдовательно, скульптурная работа на обломкахъ алтарной ограды абхазской церкви ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть древнѣе IX вѣка¹⁾.

Я нарочно остановился на этой подробности, чтобы показать, во-первыхъ, какъ трудно даже специалистамъ опредѣлять памятники христіанскаго искусства на Кавказѣ безъ знакомства съ исторіею древней кавказской христіанской культуры, а также, во-вторыхъ, какъ даже въ такихъ мелочахъ научное рѣшеніе вопроса должно быть построено съ общекавказской культурно-исторической перспективой, тѣсно связывающей страны отъ Арменіи на югъ до, по крайней мѣрѣ, Абхазіи на сѣверѣ.

Ясно, что абхазскій народъ, не только имѣвшій общеніе съ просвѣщенными народами въ продолженіе многихъ вѣковъ, но и творчески принимавшій участіе въ древности въ развитіи общекавказской христіанской культуры, какъ народъ съ исторіею, заслуживаетъ вниманія историка Кавказа, тѣмъ болѣе археолога.

II.

Однако мое вниманіе было приковано въ настоящую поѣздку, какъ и въ предыдущія, только къ одному предмету, живой абхазской рѣчи. И хотѣлось бы мнѣ выяснитъ, насколько это возможно, основательность этого исключительнаго интереса къ абхазскому языку.

Ознакомленіе съ чисто технической стороной работы я изъясню изъ сообщенія. Какъ ведется работа, какія трудности представляетъ для записи языка безъ письменности, какое облегченіе или, наоборотъ, помѣху приходилось встрѣчать въ наличныхъ записяхъ, или предшественниковъ моихъ по записи живыхъ абхазскихъ текстовъ въ

¹⁾ Любопытно, что единственный западно-европейскій рельефъ съ такой же разработкой сюжета находимъ въ одномъ исключительно рѣдкомъ памятникѣ галльской христіанской церкви. Подробности по вопросу см. Н. Марръ, *Описаніе Дворцовой церкви въ Ани* (Анійскія древности, I), стр. 9, прим. 3, 28, 34.

²⁾ Н. Марръ, ц. с., стр. 1 et pass.

¹⁾ См. Н. Марръ, ц. с., стр. 34 сл.

научныхъ цѣляхъ или работниковъ по изложенію на абхазскомъ языкѣ переводныхъ и оригинальныхъ произведеній, т. е. предшественниковъ по записи въ литературныхъ и вообще просвѣтительныхъ цѣляхъ, когда тексты предназначаются для чтенія знающихъ абхазскій языкъ и т. д. Всѣ эти и нныя еще подробности могли бы представить интересъ въ тѣсномъ кругу интересующихся абхазскимъ языкомъ или лингвистовъ, занимающихся діалектологическими изысканіями по безписменнымъ языкамъ.

Еще менѣе, думаю, было бы умѣстно входить въ лингвистическія подробности работы, излагать хотя бы въ общихъ чертахъ выясняющійся грамматическій строй абхазской рѣчи или останавливаться на ея синтаксисѣ, имѣющемъ основное значеніе для правильного пониманія абхазскаго языка, въ которомъ синтаксисъ играетъ роль морфологии, т. е. строимъ рѣчи, той или иной въ ней разстановкой словъ выражается то, чтѣ въ другихъ языкахъ выражаютъ формы самихъ словъ, падежныя окончанія. Не приходится останавливаться, напр., и на союзахъ и нарѣчіяхъ, самой труднѣйшей для воспріятія европейца части рѣчи въ абхазскомъ языкѣ. Достаточно сказать, что настоящихъ союзовъ, по происхожденію или составу своему, похожихъ на наши союзы, въ абхазскомъ предложеніи не видать; они присоединены неотдѣлимо къ словамъ или, чтѣ еще затруднительнѣе уловить, помѣщены внутри самихъ словъ; правда, обыкновенно оказывается, что это не одно слово, а цѣлый комплексъ ихъ, сошедшихся вокругъ глагола, одни въ концѣ глагола, другіе въ началѣ, третьи между предлогомъ и темой глагола, четвертые внутри самой темы глагола, которая часто оказывается составной изъ двухъ глагольных основъ.

Другіе союзы и нарѣчія стоятъ самостоятельно, но при анализѣ оказывается, что они представляютъ собою глаголъ въ опредѣленной формѣ. И въ русскомъ рядъ союзовъ и нарѣчій глагольнаго происхожденія, напр., слова „хотя“ „почти“, и эти русскія слова также утратили совершенно глагольное значеніе. Но многочисленность такихъ выраженій сильно затрудняетъ анализъ абхазской рѣчи, ибо если не всѣ, то громадное большинство союзовъ и нарѣчій хотя глагольнаго происхожденія, но сами абхазы не чувствуютъ уже ихъ происхожденія, а когда на лицо цѣлый комплексъ частицъ и основъ, образующихъ одно цѣлое, абхазъ великолѣпно понимаетъ цѣлое и можетъ даже безукоризненно перевести на другой языкъ, но при вопросѣ о частяхъ, входящихъ въ составъ комплекса, онъ совершенно теряется,

а когда пытаются дать объясненіе, дать сбивчивыя указанія, притомъ каждый по своему.

Тѣмъ не менѣе помощь интеллигентныхъ абхазовъ весьма существенна. На первыхъ порахъ безъ этой помощи пришлось бы много потерять времени, и я считаю долгомъ здѣсь засвидѣтельствовать о необычайно предупредительномъ отношеніи къ работамъ по абхазскому языку со стороны всѣхъ безъ исключенія абхазовъ, съ кѣмъ занятія меня сталкивали, не исключая простыхъ крестьянъ въ селахъ, поражавшихъ меня обходительностью, деликатностью и искреннимъ совершенно безкорыстнымъ стараніемъ всячески содѣйствовать изысканіямъ, требующимъ порой большого терпѣнія отъ объекта изслѣдованія.

Надо замѣтить, что по самой природѣ абхазской рѣчи абхазскій народъ настроенъ, какъ ни странно можетъ это звучать, очень «грамматически»; онъ чрезвычайно чутокъ къ малѣйшему звуковому дефекту или измѣненію формы, и по этому поводу у абхазовъ всякаго возраста, даже дѣтей, бываютъ горячіе споры, доходящіе иногда до серьезныхъ столкновеній. Но въ этихъ спорахъ, а также въ вопросахъ о происхожденіи словъ, въ которыхъ рядомъ съ интеллигентомъ, часто съ большимъ природнымъ филологическимъ остроуміемъ, охотно принимаетъ участіе и простолюдинъ, одинъ большой дефектъ: у абхазовъ полная увѣренность, что происхожденіе всѣхъ абхазскихъ словъ можно и слѣдуетъ объяснить изъ абхазскихъ же словъ, притомъ изъ абхазскихъ словъ въ томъ видѣ, въ какомъ они доступны сейчасъ нашему наблюденію. Долженъ оговориться, что такъ предполагали толковать абхазскія слова и наиболѣе внимательные и авторитетные энтузіасты-изслѣдователи не-абхазы, прежде всего незабвенный по заслугамъ въ изученіи нелитературныхъ языковъ Кавказа баронъ Усларъ, а за нимъ и самородный лингвистъ Петръ Чарая. Оба они пошли дальше и признали въ абхазской рѣчи въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, первобытный языкъ, тогда какъ, совершенно наоборотъ, абхазскій языкъ лингвистически стоитъ на одной изъ самыхъ высокихъ ступеней развитія человѣческой рѣчи. Онъ среди родственныхъ съ нимъ языковъ занимаетъ ту ступень, какую англійскій занимаетъ среди европейскихъ. Абхазскій языкъ представляетъ наиболѣе измѣнившійся, наиболѣе новый по своему наличному состоянію типъ. Абхазы чрезвычайно помогли и продолжаютъ помогать и въ собираніи лингвистическихъ матеріаловъ.

Я не говорю уже здѣсь о личныхъ работахъ Н. С. Джанашия,

лучшаго знатока абхазской этнографіи, имѣющаго крупную заслугу по собиранію этнографическихъ матеріаловъ, особенно касательно абхазскаго культа и абхазскихъ религіозныхъ вѣрованій¹⁾.

Я становлюсь на работахъ Бзыбскаго комитета общества распространенія просвѣщенія среди абхазовъ. Эта работа между прочимъ и вынудила меня совершить поѣздку въ столь неудобное для мирныхъ занятій время. Еще зимой 1913 года, когда я занимался въ Гудаутѣ, абхазская мѣстная молодежь, входившая въ составъ Бзыбскаго комитета, выразила желаніе сотрудничать со мной посылно. Я предложилъ собирать памятники абхазской устной литературы, въ первую голову сказки, и далъ нѣкоторыя указанія. Въ настоящее время собрано болѣе ста сказокъ исключительно на бзыбскомъ нарѣчій. Въ моемъ распоряженіи уже годъ находились 74 сказки. При работѣ надъ этими цѣнными текстами стало ясно, что записыватели задались цѣлью, нѣсколько понижающей цѣнность матеріала для очередныхъ научныхъ изысканій: они старались по возможности свести всѣ свои записи въ отношеніи языка къ одному общему типу, отстраняя мѣстные особенности говоровъ или подговоровъ тѣхъ селъ, откуда они происходили. Нужно ли прибавлять, что для лингвиста важны именно эти особенности, развѣ дѣло идетъ о возсозданіи исторіи языка. Къ счастью, природу выгоните въ окно, она войдетъ въ дверь, и въ доставленныхъ мнѣ записяхъ различныхъ лицъ я подмѣтилъ значительное число закономѣрныхъ отступленій, явно представлявшихъ вторженіе въ сглаженный текстъ формъ природныхъ говоровъ записывателей, и надо было столкнуться съ сотрудниками для дальнѣйшаго направленія работъ ихъ въ русло научныхъ требованій.

Распространяться обстоятельно о дальнѣйшемъ ходѣ совместной работы моихъ бзыбскихъ сотрудниковъ со мной я не буду. Я думаю, также было бы безцѣльно въ статьѣ не специально лингвистическаго значенія сообщать о діалектическомъ богатствѣ абхазской рѣчи, о различныхъ нарѣчійхъ, говорахъ и подговорахъ и т. д. Къ тому же, это и несвоевременно.

Прежде всего для этого нужно располагать по другимъ, наличнымъ въ предѣлахъ этнографической Абхазіи, нарѣчійамъ абхазскаго языка хотя бы такимъ количествомъ матеріала, какимъ располагаемъ сейчасъ по бзыбскому нарѣчію. Удастся ли и въ районахъ этихъ

¹⁾ На русскомъ языкѣ появилась пока работа его *Религіозныя вѣрованія абхазовъ* („Христ. Востокъ“, IV, стр. 72—112), имѣющая быть продолженной въ томъ же органѣ.

другихъ нарѣчій организовать сотрудничество мѣстныхъ силъ по собиранію памятниковъ абхазской народной словесности или нѣтъ, покажетъ будущее. Отстранивъ сейчасъ всѣ эти спеціальныя общелингвистическія и діалектологическія стороны, я хотѣлъ бы дать представленіе о болѣе общихъ научныхъ задачахъ, связанныхъ съ изученіемъ этой живой, весьма богатой лексически рѣчи, обходившейся безъ письменности до XX столѣтія.

III.

За кавказовѣдѣніемъ въ частяхъ его, посвященныхъ народамъ съ древней національной письменной культурой, именно армянамъ и грузинамъ, крупный грѣхъ. Это—полное равнодушіе, если не сказать болѣе, къ научной разработкѣ историческихъ судебъ бесписьменныхъ народовъ Кавказа, коренныхъ его обитателей. Отмѣченное равнодушіе къ кавказовѣдѣнію присуще въ силу одной особенности, представляющей громадное препятствіе къ дальнѣйшему успѣшному его развитію по научнымъ путямъ: она ставитъ преграду использованію добытыхъ уже научныхъ положеній въ разработкѣ культурно-историческихъ матеріаловъ, представляемыхъ Кавказомъ, во всей ихъ совокупности въ томъ видѣ, какъ волею судебъ сохранились они на Кавказѣ, независимо отъ тѣхъ или иныхъ мѣстныхъ націоналистическихъ освѣщеній. Эта роковая особенность состоитъ въ томъ, что кадры специалистовъ по гуманитарному кавказовѣдѣнію до сихъ поръ пополняется исключительно представителями мѣстныхъ народовъ, и это не даетъ кавказовѣдѣнію научно развернуться съ тѣмъ широкимъ размахомъ, котораго оно заслужило не только по богатству и разнообразію матеріаловъ, но и по запросамъ науки къ кавказовѣдѣнію, по высокому значенію общечеловѣческихъ и культурно-историческихъ проблемъ, ищущихъ и намѣчающихъ въ нихъ, въ этихъ кавказскихъ матеріалахъ, опоры для своего правильного освѣщенія, а иногда и рѣшеній. Представители мѣстныхъ народовъ по разнымъ причинамъ, касаться которыхъ сейчасъ не мѣсто и не время, не могутъ отрѣшиться и въ наукѣ отъ своихъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ жизненныхъ національныхъ интересовъ. Кавказская національная злободневность, законный и въ началѣ невинный источникъ стимула къ кавказовѣдному занятіямъ, обращается въ направляющій ихъ руль: воспринимая въ лучшемъ случаѣ технически усовершенствованные приемы по спеціальности и въ этой мѣрѣ укрѣпляя свои позиціи, она неминуемо содѣйствуетъ гашенію духа—двигателя научныхъ исканій,

свободной критики основъ традиціонныхъ историческихъ построений. Это говорится безъ всякаго осужденія. Я лишь утверждаю фактъ, съ которымъ связана наша научная область и отъ которой терпитъ она сейчасъ и, быть можетъ, зависитъ ея будущность не на одномъ Кавказѣ. На мѣстѣ націоналистическое направленіе устраняетъ возможность расцвѣта кавказовѣдѣнія, являясь камнемъ преткновенія на пути сосредоточенія полноты его дисциплинъ и естественнаго чисто научнаго взаимодѣйствія его представителей. Внѣ Кавказа неизбежнымъ воплѣтъ заслуженнымъ удѣломъ научной области, построенной на націоналистической основѣ, и впредь будетъ равнодушіе серьезныхъ ученыхъ круговъ, невозможность найти для нея мѣсто въ какой либо научной востокѣдной школѣ. Указанной особенностью односторонняго состава кадра специалистовъ по исторіи и литературѣ мѣстныхъ народовъ, одно время имѣвшихъ созданную ими блестящую культурную жизнь, объясняется то, что въ смежныхъ научныхъ областяхъ, въ арменовѣдѣніи и грузиновѣдѣніи, специалисты до сихъ поръ не имѣютъ или, лучше сказать, не расположены имѣть общій научный языкъ, общее научное мышленіе. Той же роковой особенностью объясняется и то, что ни одна изъ этихъ спеціальныхъ отраслей кавказовѣдѣнія, давно получившихъ возможность развиваться научно и, вовлекая въ научную работу неиспользованные материалы, расширять научный кругозоръ, не выдвинула своевременно ни одного специалиста по изученію громадной части кавказскаго населенія, именно такъ называемыхъ кавказскихъ горцевъ. Не только не было проявлено научнаго интереса къ болѣе дальнимъ съ бытовой точки зрѣнія народностямъ, каковы, напр., черкесы, чеченцы съ ингушами и многочисленные языцы Дагестана, но даже къ абхазамъ. Между тѣмъ фактъ, что исторія абхазовъ есть начало исторіи грузинской Багратидской царской династіи и въ то же время тѣсно сплсается въ IX и X вѣкахъ съ исторіею армянскихъ Багратидовъ, имѣвшихъ столицу въ городѣ Ани, прекрасно устроенномъ, по свидѣтельству византійскихъ грековъ, нынѣ подтверждаемому раскопками въ этомъ уже городищѣ въ развалинахъ.

Естественно, что весь этотъ обширный безписьменный районъ кавказскаго міра, именно безъ письменности на народныхъ языкахъ, съ его богатѣйшими и разнообразнѣйшими языковыми и этнографическими матеріалами былъ предоставленъ силамъ немногочисленныхъ любителей и энтузіастовъ. Это обстоило такъ даже въ исходѣ XIX вѣка, на порогѣ нашего столѣтія, когда научное исканіе въ лицѣ запад-

ныхъ европейцевъ, сначала англичанъ и французовъ, а затѣмъ и болѣе всего нѣмцевъ, задолго еще до начала настоящей міровой войны старалось рядомъ строго продуманныхъ и богато снаряженныхъ экспедицій оторвать отъ нашихъ научныхъ наблюденій естественно къ намъ тяготяющія и намъ болѣе доступныя по нашей теоретической подготовкѣ области древневосточнаго культурнаго міра, какъ, напр., Ванъ и его древности; когда нѣмецкіе изслѣдователи и путешественники стали постепенно наѣзжать съ юга черезъ Турцію на Кавказъ, силясь схватить его кольцомъ своихъ научныхъ экспедицій, а мы безпечно спали.

Не естественно ли, при такомъ положеніи, представителямъ русской университетской и академической науки спѣшить вовлечь свое временно въ научный обиходъ втуне лежащія у насъ же сокровища и, если нѣтъ возможности сдѣлать то, для чего требуются организованныя силы научныхъ работниковъ, специалистовъ, то подготовить условія для выработки такихъ силъ.

IV.

Но независимо отъ этихъ внѣшнихъ поводовъ, кавказскіе горцы, и въ первую голову абхазы напрашивались на возможно поспѣшное изученіе по причинамъ внутреннимъ, внутреннимъ съ точки зрѣнія исторіи самой разработки науки о коренныхъ кавказскихъ языкахъ и постепенности нарождавшихся въ ней научныхъ запросовъ и задачъ.

Эта сторона дѣла находится въ связи съ новой теоріею о происхожденіи и классификаціи кавказскихъ языковъ, именно съ яфетической теоріею. Общеизвѣстно, что изъ многочисленныхъ языковъ міра наука успѣла выдѣлать и сдѣлать объектомъ усиленной сравнительной и исторической разработки три семьи—аріо-европейскую (индо-европейскую), семитическую и турецкую. Едва ли читатели настоящихъ страницъ нуждаются въ перечнѣ состава этихъ трехъ семей.

Изученіе языковъ Кавказа установило существованіе еще одной семьи, дало возможность выдѣлать особую четвертую семью языковъ, яфетическую, которая не имѣетъ родства ни съ аріо-европейской семьей, ни съ турецкой семьей, но находится въ кровномъ родствѣ съ семитической семьей языковъ. Родство это настолько тѣсно, что основатель этой теоріи, авторъ настоящихъ строкъ, первоначально и долго еще, почти до 1910 года предполагалъ, что семитическіе языки съ яфетическими и хамитическими составляютъ лишь три вѣтви одной

общей семьи языковъ. Можетъ быть, это такъ и окажется со временемъ, но въ настоящее время такъ разросся составъ яфетическихъ языковъ, что приходится ихъ дѣлить на двѣ большія вѣтви и объединять ихъ въ одну самостоятельную семью—яфетическую.

Вѣтви эти отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что въ однихъ и тѣхъ же по происхожденію словахъ одна изъ вѣтвей закономерно обнаруживаетъ звуки свистяще-шипящіе или сибиланты въ противоположность придыхательнымъ звукамъ или спирантамъ другой вѣтви. Отсюда названія этихъ двухъ вѣтвей яфетической семьи: одна вѣтвь названа сибилантной, т. е. свистяще-шипящей, а другая спирантной, т. е. придыхательной.

Отъ сибилантной вѣтви яфетическихъ языковъ сохранились, ее теперь составляютъ языки грузинскій и мингрельскій съ лазскимъ или чанскимъ. Утеряны цѣлыя группы этой вѣтви и утеряна цѣльность сохранившихся двухъ группъ картской, къ которой принадлежитъ грузинскій языкъ, и тубал-каинской, къ которой принадлежатъ лазскій, онъ же чанскій, и мингрельскій, въ древности иворскій языкъ.

Спирантную вѣтвь составляютъ многочисленныя горскіе коренные языки Кавказа, распадающіеся на рядъ группъ. Начиная съ востока—это лезгинскіе языки ко сродными преимущественно въ Дагестанской области, куда относятся помимо наиболѣе распространенныхъ, именно аварскаго и казикумукскаго, до десятка языковъ андо-дидойской группы. Затѣмъ ближайше къ нимъ примыкаетъ не только по мѣстонахожденію, но и по сродству чеченская группа съ языками нахчайскимъ или собственно чеченскимъ, ингушскимъ и тубинскимъ главнымъ образомъ на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта и прилегающихъ равнинахъ въ Терской области и, наконецъ, абхазо-адыгейская группа съ абхазскимъ и черкесскимъ или адыгейскимъ языками и ихъ нарѣчіями и говорами съ многочисленными промежуточными, стоящими между адыгейскимъ и абхазскимъ языками. Нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ наука наша не досчитывается въ предѣлахъ нашего государства только потому, что въ силу превратностей судьбы говорящіе на нихъ, нынѣ выселенцы съ Кавказа, находятся въ числѣ обитателей Турціи, такъ въ числѣ прочихъ убыли съ роднымъ убыхскимъ языкомъ.

Эти многочисленные языки не порожденіе условій кавказской жизни и не случайные разрозненные послѣдки, какъ предполагалось, великихъ переселеній черезъ Кавказъ, а вкладъ постепеннаго отщепенія вѣтвями (если не всей семьей) на Кавказъ, съ незапамятной и

для древней Европы эпохи, народовъ древнѣйшаго культурнаго міра на югѣ, въ предѣлахъ Ассиро-Вавилоніи и Месопотаміи и прилегающихъ къ нимъ съ сѣвера и запада въ Малой Азіи странахъ. Здѣсь и жили первоначально въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ родственными семитическими просвѣщенными народами и въ общеніи также съ родственными хамитическими просвѣщенными народами яфетическіе народы, создатели древнѣйшей въ мірѣ культуры, соосновопологатели той именно цивилизаціи, которую дальнѣйшія судьбы переработали въ нашу европейскую цивилизацію, отодвигая въ этапъ ея развитія постепенно на западъ, въ Грецію, Римъ и въ среду новѣйшихъ народовъ Европы, тогда и долго еще не сложившихся въ культурно-политическіи образованія.

На культурной прародинѣ яфетическихъ народовъ съ момента появленія первыхъ аrio-европейскихъ племенъ просвѣщеніе стало падать. Они-то и разобщили семью сродныхъ языковъ, называемыхъ теперь нами семитическими и яфетическими, отщенивъ членовъ ея, чистыхъ или уже тогда еще нечистыхъ мѣшанныхъ яфетидовъ и заставивъ передвинуться главной массой въ предѣлы Кавказа, а нѣкоторыхъ изъ нихъ выселиться, по всей видимости, далеко на западъ, такъ какъ есть показатели, что этруски, обладавшіе письменностью, были яфетическаго происхожденія: языкъ ихъ письменности, пока неразгаданный, обнаруживаетъ нѣкоторыя черты сродства съ яфетическими языками, и если опыты западно-европейскихъ ученыхъ въ этомъ направленіи—норвежца С. Бугге ¹⁾ и геніальнаго датчанина В. Томсена ²⁾, дешифровавшаго турецкій языкъ орхонскихъ надписей, не привели къ прочнымъ или окончательнымъ результатамъ, то прежде всего по дефекту метода, по желанію разобрать неизвѣстное неизвѣстнымъ, такъ какъ кавказскіе языки, которые они хотѣли использовать какъ ключъ, имъ также мало были извѣстны въ научномъ освѣщеніи, какъ этрускій. И здѣсь одна изъ очередныхъ

¹⁾ Dr. Sophus Bugge, *Etruskisch und Armenisch. Sprachvergleichende Forschungen*, Christiania 1890. По примѣру западноевропейскихъ арменистовъ, S. Bugge не отличалъ въ языкахъ Арменіи, къ тому же принимавшихся за одинъ, яфетическихъ элементовъ отъ аrio-европейскихъ, и уже отъ этого смѣшенія у него рядъ недоразумѣній.

²⁾ Vilh. Thomson, *Remarques sur la langue étrusque* (Extrait du Bulletin de l'Académie Royale des sciences et des lettres de Danemark, 1899, № 24, стр. 373—398). Въ свою очередь Томсенъ бралъ свои доказательства изъ многочисленныхъ (яфетическихъ) языковъ Кавказа, не имѣя представленія ни объ исторіи наиболѣе разработанныхъ изъ нихъ, ни объ ихъ взаимоотношеніяхъ.

задачу кавказовѣдѣнія—пересмотрѣть этрусскій вопросъ на основаніи яфетическаго языкознанія, его сравнительной грамматики, и дать окончательный отвѣтъ. Насколько пока осмыслены этрусскіе языковые матеріалы, отвѣтъ намѣчается положительный.

Отъ яфетическихъ народовъ въ предѣлахъ самого очага древнѣйшей родной ихъ цивилизаціи, въ предѣлахъ Ассиро-Вавилоніи и прилегающихъ странъ, можно бы было думать, что ничего не осталось, развѣ не осталось на мѣстѣ самихъ яфетидовъ. Но въ надписяхъ на глиняныхъ плитахъ и на скалахъ сохранились до нашихъ дней языки вытѣсненныхъ отсюда яфетическихъ народовъ, и посейчасъ съ напряженіемъ, при международномъ научномъ соревнованіи, приходится работать надъ разборомъ всѣхъ этихъ языковъ, успѣхи въ пониманіи которыхъ зависятъ отъ успѣховъ въ правильномъ историческомъ освѣщеніи живыхъ яфетическихъ языковъ, покрывающихъ почти весь Кавказъ. Эти надписи, конечно, на мертвыхъ языкахъ эламскомъ, древнемъ и новомъ, а также суммерскомъ. Принадлежность эламскаго языка къ яфетическимъ нынѣ внѣ спора. Вопросъ о суммерскомъ представляется пока недостаточно выясненнымъ даже въ предѣлахъ предположительныхъ опредѣленій¹⁾.

Отъ яфетическихъ народовъ на путяхъ ихъ длительного движенія на сѣверъ, отъ предѣловъ Ассиро-Вавилоніи и Месопотаміи къ Кавказу, можно бы было думать, ничего не сохранилось, но успѣхи сравнительной грамматики яфетическихъ языковъ въ этой части сказались особенно ярко.

Прежде всего получилась возможность разъяснить языкъ ванскихъ клинообразныхъ надписей, языкъ халдскій, языкъ народа или племени халдовъ, поклонявшагося богу Халду. Надписи эти обнимаютъ эпохи между началомъ тысячелѣтія и VII—VI столѣтіемъ до Р. Хр., и постепенное разъясненіе на основѣ яфетическаго языкознанія съ помощью живыхъ кавказскихъ языковъ матеріаловъ многихъ десятковъ надписей на скалахъ, на частяхъ дворцовъ, храмовъ и крѣпостей, на утвари и т. п. не только реально насъ знакомитъ съ дѣяніями халдскихъ владѣтелей Вана и ихъ военными, религіозными и архитектурными предпріятіями, но открываетъ новыя перспективы во взаимныхъ

¹⁾ Последний трудъ талантливаго автора М. Церетели *Sumerian and Georgian: a study in comparative philology* (Journal of the Royal Asiatic Society, 1913, стр. 783—821 и т. д.) могъ бы лишь дискредитировать нашу теорію, если бы кто его призналъ построеннымъ на яфетидологической основѣ или находящимся въ связи съ яфетидологическими началами.

отношеніяхъ самихъ живыхъ яфетическихъ языковъ, языковъ Кавказа.

Еще болѣе показателенъ слѣдующій успѣхъ, вскрытіе яфетическихъ осадковъ въ живой рѣчи населенія того края. Надо знать, что въ рѣчи населенія Арменіи, которая признана была наукой чистой аріо-европейской, вскрыты органически ей присущіе яфетическіе слогъ. Выяснилось, что у армянъ не одинъ языкъ, распадающійся лишь по степени древности или не-древности на древне-литературный армянскій и новый армянскій, а органически различныхъ два языка, одинъ гайканскій (хайскій), нынѣ вымершій, другой—армянскій, и въ обоихъ изъ нихъ вскрылись пласты яфетическихъ языковъ: въ одномъ основной пластъ оказался отъ яфетическаго языка спирантной вѣтви, въ другомъ—отъ яфетическаго языка сибилантной вѣтви. Ни одинъ языкъ Арменіи ни гайканскій или хайскій, ни собственно армянскій не оправдалъ въ полной мѣрѣ теоріи западно-европейскихъ ученыхъ: ни одинъ изъ нихъ не оказался чистымъ аріо-европейскимъ. И тотъ, и другой оказались языками такъ называемаго мѣшанаго типа, именно языками аріо-европейско-яфетическими. Такимъ образомъ армяне и этнически и по языку половиной своей природы находятся въ тѣсномъ родствѣ съ яфетическими народами Кавказа.

Но и яфетическіе языки въ наличномъ видѣ отнюдь не представляютъ чистыхъ типовъ.

Уже установлено, напр., что сванскій языкъ представляетъ типъ мѣшанный между яфетическими вѣтвями: одинъ слой въ немъ есть вкладъ яфетическаго языка спирантной вѣтви, по всей вѣроятности, именно того языка месхскаго, съ которымъ особенно приходится считаться при опредѣленіи мѣста абхазскаго языка среди яфетическихъ, а другой слой въ сванскомъ есть вкладъ яфетическаго языка сибилантной вѣтви, именно такъ называемой тубал-каинской или шипиланской группы, т. е. языковъ мингрельскаго и лазскаго.

Далѣе, въ языкахъ сѣверной полосы нынѣшняго яфетическаго міра, въ горскихъ коренныхъ языкахъ Кавказа, представителяхъ спирантной вѣтви яфетическихъ языковъ, замѣчается, что дѣло имѣетъ съ языками мѣшанаго типа, при чемъ выясняется органическая примѣсь какого-то не-яфетическаго языка, но здѣсь работа не достаточно еще углублена, а о гадательныхъ положеніяхъ сейчасъ не мѣсто говорить. Занятія абхазскимъ языкомъ между прочимъ имѣютъ цѣлью подготовить основу для болѣе плодотворной работы надъ этимъ вопросомъ. Абхазскій языкъ также представляетъ мѣшанный типъ, въ

составъ котораго рядомъ съ яфетическимъ органическимъ слоемъ, вкладомъ и спирантной и сибилантной вѣтвей, отложился слой не поддающагося пока опредѣленію языка, по всѣмъ видимостямъ, сѣвернаго племени.

Я избѣгаю входить въ болѣе обстоятельныя разясненія, предполагая, что при новизнѣ предмета и его спеціальномъ характерѣ и сказанное можетъ явиться перегруженіемъ сообщенія, хотя безъ этой предпосылки было бы болѣе, чѣмъ трудно, сколько-нибудь наглядно представить смыслъ изслѣдованій, направляемыхъ мною въ сторону интересующаго насъ сейчасъ вопроса объ абхазскомъ языкѣ.

V.

Я ограничусь еще лишь однимъ общимъ замѣчаніемъ касательно яфетической семьи языковъ: вѣтви, на которыя дѣлится она, спирантная и сибилантная, оказываются въ высшей степени несоразмѣрными по численности входящихъ въ составъ каждой языковъ. Сибилантная вѣтвь весьма бѣдна въ этомъ отношеніи: всего двѣ группы, картская (*свистлящая*) и тубал-кайнская (*шипящая*), при томъ у картской группы всего одинъ представитель, именно грузинскій, при томъ ни въ грузинскомъ языкѣ, ни въ мингрельскомъ нѣтъ собственно нарѣчій, лишь одно по существу нарѣчіе со многими, но далеко не столь многочисленными говорами и подговорами. Спирантная же вѣтвь—сейчасъ еще—представлена тремя обширными группами, въ которыхъ насчитывается десятокъ, другой языковъ, десятки рѣзко расходящихся нарѣчій, почти языковъ, и сотня или сотни говоровъ и подговоровъ.

И это объясняется не только тѣмъ, что сибилантная вѣтвь оказалась на югѣ, на мѣстѣ, болѣе открытомъ сильнымъ южнымъ инороднымъ, аrioевропейскимъ вліяніямъ, но и по внутреннимъ причинамъ. Врагомъ естественной жизни языковъ является письменная литература. Литература письменная уничтожаетъ народное творчество въ языкѣ. Она сглаживаетъ, примиряетъ всѣ діалектическія расхожденія живыхъ нарѣчій, говоровъ и подговоровъ. Она увлекаетъ въ этотъ разрушительный процессъ не только свои нарѣчія, но и языки родственные и ихъ нарѣчія, приобщая ихъ къ искусственному литературному языку и пуская его формы въ обращеніе среди нихъ, какъ всѣмъ доступныя ходячія монеты. Всю эту разрушительную работу произвела грузинская письменность. Это, конечно, свидѣлствуетъ объ интенсивномъ ея развитіи и большомъ распространеніи, но она

уничтожила грузинскія нарѣчія, она на половину сократила площадь распространенія мингрельской рѣчи и свела на сохранившейся ея площади расхожденія мингрельскихъ нарѣчій, можно сказать, къ нулю, тогда какъ, напр., въ Лазистанѣ, оставшемся внѣ столь же интенсивнаго вліянія грузинской христіанской культуры и ея письменнаго языка, въ лазскомъ языкѣ, двойникѣ мингрельскаго, на пространствѣ не болѣе одной трети Мингреліи, мы имѣемъ три рѣзко различающихся нарѣчія и десятки говоровъ.

Горскіе коренные языки Кавказа сохраненіемъ своего діалектическаго богатства, множествомъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, обязаны тому факту, что ни на одномъ изъ нихъ въ предѣлахъ нынѣшняго ихъ распространенія не возникала и не развивалась длительно литература и ни одинъ изъ нихъ не навязывался какъ общій языкъ, объединяющій всѣ горскіе ближайше родственные народы. Одно впрочемъ исключеніе приходится сдѣлать для аварскаго языка въ Дагестанѣ. Родной языкъ Шамиля, это — *lingua franca* для многихъ племенъ Дагестанской области, имѣющихъ каждое свой родной языкъ, но общающихся другъ съ другомъ на аварскомъ. Но и это чрезвычайно любопытное, въ горскихъ языкахъ исключительное, явленіе можно объяснить не новой жизнью аварскаго языка, а какъ наслѣдіе отъ весьма древней эпохи. Дѣло въ томъ, что работа надъ аварскимъ языкомъ начинаетъ выдвигать вопросъ о необходимости отождествить его съ языкомъ кавказскаго народа, который жилъ еще до X вѣка самостоятельной церковной жизнью, а въ V—VI вѣкахъ отстаивалъ христіанскую вѣру, борясь бокъ-о-бокъ съ армянскимъ и грузинскимъ народами за крестъ противъ персидскаго государства и его національной тогда зороастровой религіи. Народъ этотъ были албаны, страна ихъ—называлась Албанією. На албанскомъ языкѣ существовала литература, и если оправдается дальнѣйшими изысканіями, что въ аварцахъ мы имѣемъ потомковъ албановъ, то станетъ вполне понятнымъ замѣчательная литературная выработанность живой аварской рѣчи, ея естественное господство и преобладаніе надъ языками, не проходившими литературнаго искуса.

Албанскій вопросъ въ свою очередь самъ по себѣ представляетъ громадный интересъ уже не для юга, а для сѣвера Кавказа. Съ нимъ связанъ неразрывно вопросъ объ аланахъ. Аланы это уже исторія не только Кавказа, но и юга Россіи. Въ нихъ заинтересованы представители различныхъ областей отечественной исторіи. Но и этотъ капитальный вопросъ не можетъ быть правильно освѣщенъ безъ

разъясненія родственныхъ связей кавказскихъ горцевъ на основѣ изученія прежде всего ихъ языковъ и родства послѣднихъ. И въ этомъ вопросѣ, какъ во всѣхъ мимоходомъ затронутыхъ въ настоящемъ изложеніи, абхазскіе матеріалы имѣютъ сказать свое слово.

VI.

Основы яфетическаго языкознанія, возможность выдвинуть всѣ эти вопросы, частью освѣтить, а частью лишь намѣтить то или иное ихъ рѣшеніе, были заложены ученіемъ о родствѣ яфетическихъ языковъ съ семитическими. Основныя положенія этого ученія, зрѣвшаго десятки лѣтъ, мною были обнародованы въ 1908 году.

Съ перваго же момента по появленіи работы съ этими положеніями, озаглавленной „Основныя таблицы къ Грамматикѣ грузинскаго языка съ предварительнымъ сообщеніемъ о родствѣ грузинскаго языка съ семитическими“, стало для меня ясно, что временно надо бросить дальнѣйшую разработку части объ яфетическо-семитическихъ соотношеніяхъ. Надо было направить всѣ усилія на расширеніе и углубленіе изученія самихъ яфетическихъ языковъ. Въ первую очередь были намѣчены яфетическіе языки, ближайшіе родственные съ грузинскимъ, тогда поневолѣ занимавшимъ центральное мѣсто ¹⁾. Первая лингвистическая кампанія была поведена лично мною въ Лазистанѣ, въ нѣмѣ уже занятые нами Хопѣ, Архаву, Вицѣ и Атину и въ ихъ окрестныя села: результаты ея составили II книгу Матеріаловъ по яфетическому языкознанію, серіи, издаваемой Императорскою Академіею Наукъ ²⁾. Въ Мингрелію, языкъ которой значительно больше былъ изученъ, была возможность направить молодого грузиновѣда I. А. Кипшидзе, нѣмѣ приватъ-доцента Петроградскаго университета, сдѣлавшаго крупный вкладъ въ яфетическое языкознаніе своимъ капитальнымъ трудомъ о мингрельскомъ языкѣ ³⁾. Съ 1911 года были предприняты лингви-

¹⁾ Въ дальнѣйшемъ краткомъ обзорѣ яфетическихъ работъ замечается новое освѣщеніе исторіи грузинскаго языка по даннымъ яфетическаго языкознанія.

²⁾ *Грамматика чанскаго (лазскаго) языка съ арестоматіею и словаремъ*, С.-Пб. 1910, см. также I. Кипшидзе, *Дополнительныя содѣнія о чанскомъ языкѣ* (Изъ лингвистической экскурсіи въ Русскій Лазистанъ), С.-Пб., 1911 (Мат. по яфет. языкозн., III).

³⁾ Появился лишь въ 1914 году въ той же серіи (VII): *Грамматика мингрельскаго (инверскаго) языка съ арестоматіею и словаремъ*; см. рецензію П. Я. Марра въ *Запискахъ Восточн. отд. Имп. Русск. археол. общества* (XXII, 1915, стр. 203—216). Интересъ для характеристики степени разработки этого языка въ Западной Европѣ представляетъ рецензія I. А. Кипшидзе въ тѣхъ же *Запискахъ* (т. XXII,

стическія мои поѣздки въ Сванію, давшія въ результатъ дальнѣйшую разработку первоначальной схемы яфетической теоріи, прежде всего родословной таблицы языковъ, и указавшія на необходимость расширить ея основы привлеченіемъ въ изученіе болѣе дальнихъ по родству языковъ ¹⁾. Въ первую очередь былъ намѣченъ абхазскій языкъ, въ которомъ были усмотрѣны особыя точки соприкосновенія съ сванскимъ языкомъ. Отчасти вовлеченію меня въ занятія абхазскимъ посодѣствовало редактированіе въ академическомъ изданіи работы Петра Чарая о родствѣ абхазскаго съ грузинскимъ ²⁾. Пользуясь наличнымъ въ печати абхазскимъ матеріаломъ, я далъ свое опредѣленіе абхазскаго языка въ освѣщеніи яфетической теоріи. Работа появилась въ той же академической серіи ³⁾. Нужны были непосредственныя наблюденія надъ живою абхазскою рѣчью, но археологическія работы и поѣздки въ Сванію лѣтомъ не оставляли свободного времени. Лѣтомъ 1912 года я попытался переѣздомъ верхомъ изъ Сваніи въ Абхазію ускорить наблюденія надъ абхазскою рѣчью. Переѣздъ отнялъ массу времени, и я имѣлъ возможность использовать какъ объектъ для изслѣдованія лишь одного случайно встрѣтившагося по дорогѣ пастуха изъ селенія Джгерда. Тогда я рѣшилъ посвящать лингвистическимъ поѣздкамъ въ Абхазію рождественскія вакаціи. Уже первый пріѣздъ, направленный мною въ сел. Джгердъ, далъ рядъ отвѣтовъ по многимъ изъ затронутыхъ вопросовъ, и число отвѣтовъ стало расти ⁴⁾. Стали нарастать и новые вопросы, требовавшіе лингвистическихъ кампаній къ тушинамъ, къ чеченцамъ съ ингушами

стр. 239—246) на Th. Kluge, *Beiträge zur Mingrelischen Grammatik* (Memnon. Zeitschrift für die Kunst- und Kultur-Geschichte des alten Orients, 1913, т. VII, тетр. 1/2, стр. 46—63).

¹⁾ Пока въ печати замѣтки мои: *Изъ поѣздокъ въ Сванію* (лѣтомъ 1911 и 1912 г.) („Христіанскій Востокъ“, т. II, стр. 1—36), *Гдѣ сохранилось сванское склоненіе?* (Извѣст. Имп. Акад. Наукъ, 1911, стр. 1199—1206), *Орако-армянскій Sabaïos-asvat и сванское божество охоты* (ц. ж., 1912, стр. 827—830), *Тубал-каинскій вкладъ въ сванское* (ц. ж., 1912, стр. 1093—1098), *Замечаніе о числительныхъ въ яфетическихъ языкахъ* (ц. ж., 1913, стр. 789—790).

²⁾ *Объ отношеніи абхазскаго языка къ яфетическимъ* (Мат. по яфет. языкозн. IV, 1912).

³⁾ V (1912): *Къ вопросу о положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ*, см. также *Яфетическое происхожденіе абхазскихъ терминовъ родства* (Изв. Имп. Акад. Наукъ, 1912, стр. 423—432).

⁴⁾ Въ печати пока замѣтки мои: *Исторія термина абхазъ* (Изв. Имп. Академіи Наукъ, 1912, стр. 697—706), *О религіозныхъ вѣрованіяхъ абхазовъ* (Къ вопросу объ яфетическомъ культѣ и мифологіи) въ „Христ. Востокъ“, 1915, стр. 113—140.

и племенамъ Дагестана. Въ ожиданіи появленія болѣе обстоятельнаго грамматическаго труда помощника попечителя Л. Г. Лопатинскаго объ адыгейскомъ языкѣ, Академію Наукъ было постановлено командировать автора, именно Л. Г. Лопатинскаго въ Турцію для собиранія матеріаловъ до убыхскому языку, занимающему по своей природѣ мѣсто промежуточное между абхазскимъ и адыгейскимъ. По разнымъ обстоятельствамъ исполнить это порученіе пришлось д-ру Дирру, извѣстному своими матеріалами по безписменнымъ языкамъ Восточнаго Кавказа. Лично мнѣ абхазскій языкъ далъ особенно сильный толчекъ для приступа къ работамъ по восточно-кавказскимъ горскимъ языкамъ. Для меня стало ясно, что все направленіе и грузиновѣднія и арменовѣднія, въ частности и мое, было въ корнѣ неправильно по крайней мѣрѣ въ лингвистической части, ибо ни одна общая проблема, возникавшая въ той или иной изъ названныхъ специальностей, не могла быть правильно поставлена и тѣмъ менѣе рѣшена безъ общекавказскихъ перспективъ, въ частности безъ соотвѣтственно глубокаго изученія всѣхъ горскихъ коренныхъ языковъ и пересмотра вопроса о нихъ съ точки зрѣнія яфетической теоріи и на основаніи новыхъ наблюденій и проверки старыхъ записей на мѣстахъ лицами, прошедшими яфетидологическую школу ¹⁾.

VII.

Въ отношеніи грузинскаго выяснилось, что онъ чрезвычайно слабо повліялъ на абхазскій въ христіанскія историческія эпохи; вліяніе выражается главнымъ образомъ въ заимствованныхъ словахъ, но есть и обратныя заимствования изъ абхазскаго въ грузинскій, иногда весьма поучительныя. Такъ, напр., грузинское слово *აღრა* *парусъ* представляетъ заимствование изъ абхазскаго. Это уже имѣетъ не только словарное, но реальное культурно-историческое значеніе: вы-

¹⁾ Пройденные яфетидологію этапы развитія не могли не отозваться на существующей формулировкѣ родства яфетическихъ языковъ съ семитическими. Намѣчаются факты, требующіе пересмотра этого основнаго вопроса внесеніемъ въ его освѣщеніе новаго момента, изученія роли скрещенія и значенія мѣшанныхъ типовъ. Какъ раньше было и съ яфетическими языками, наука въ семитическихъ языкахъ считается лишь съ такъ называемыми „основными“ или „коренными“ пластами, т. е. предпочитаетъ имѣть дѣло съ отвлеченностями и идеальными ихъ соотношеніями, тогда какъ яфетидологія ставитъ вопросъ о необходимости разграничить классификацію идеальныхъ соотношеній „основныхъ“ пластовъ (и ихъ прототиповъ) отъ классификации реальныхъ языковъ въ наличномъ ихъ видѣ въ цѣлостности каждаго изъ нихъ, въ совокупности присущахъ ему дѣйствительныхъ пластовъ и наслоеній.

ходить, что абхазы, какъ мореходы, передавали сосѣдямъ свои морскіе термины. И хотя современный бытъ абхазовъ не согласуется съ такимъ утвержденіемъ, но абхазская рѣчь и абхазскія преданія полны воспоминаній интимнаго общенія абхазовъ съ моремъ. Въ сравнительно недавнемъ прошломъ, именно въ XVIII вѣкѣ, абхазы, нынѣ оттиснутые отъ береговъ моря вглубь края, продолжали пользоваться славой древнихъ энюховъ, опасныхъ для ближайшихъ сосѣдей и вообще для путешественниковъ. Грузинскій географъ Вахуштѣ пишетъ ¹⁾: абхазы „по морямъ ходятъ на судахъ *«oletkandar»*, въ которыя они садятся по сто, по двѣсти и по триста чело-вѣкъ, и нападаютъ ²⁾ въ пути на суда османлисовъ и лазовъ-чановъ и чаще всего у побережья Одиши (Мингрелии) и Гуріи. Въ бояхъ (на сушѣ) абхазы слабы и быстро уступаютъ, но на морѣ—стойки и могущественны“ ³⁾. Какъ, однако, вымираютъ и въ абхазской средѣ переживанія древняго быта, интересно наблюсти на судьбѣ слѣдующей характерной абхазской пословицы:

zashq'a ðəw uanpa ðə

„въ чей лодкѣ сидишь, того пѣсню пой“.

Эта пословица была записана мною въ январѣ 1914 года въ селеніи Калдахварѣ со словъ старика 70-ти лѣтъ. Ее знаютъ, вѣроятно, многіе абхазы, значительно болѣе молодые. Тѣмъ не менѣе, интересно отмѣтить слѣдующій фактъ: въ январѣ текущаго года одинъ изъ моихъ молодыхъ сотрудниковъ въ Гудаутѣ, 22-хъ лѣтъ, устно передавшій эту пословицу, откровенно заявилъ, что онъ не знаетъ

¹⁾ *Description de la Géorgie ... publiée d'après l'original autographe par M. Brosset, S.-Petersbourg 1842, стр. 408.*

²⁾ *Dauqdebian*, буквально „встрѣчаютъ (въ пути)“ или „устраиваютъ засаду“, а не *moiqdebian*, что можно было бы перевести однимъ глаголомъ „нападаютъ“, какъ то сдѣлалъ въ своемъ переводѣ Brosset („attaquent“).

³⁾ Слѣдуетъ отмѣтить, что терминъ, употребленный Вахуштомъ, для обозначенія абхазской военной лодки не абхазское, а мингрельское по своему типу слово, хотя мингрелы также не сохранили его. Въ терминѣ можемъ имѣть сложное слово *ole-ḱandar*, въ которомъ первая часть въ такомъ случаѣ должна быть понята въ значеніи предлога *черезъ*, *поперекъ*, а *ḱandar*—прич. *кованный* (м. *ḱadu-a ковать*), слѣдовательно, полностью — *окованный* (ср. г. *garda-ḱed-ili*). Толкованіе *ole-* въ указанномъ значеніи предлагаетъ I. А. Кипишадзе въ связи съ м. *ole-ket-i засовъ*. Грузинскій лексикографъ С. Орбелиани приводитъ двѣ формы того же термина—*olaḱkander-i* (s. v.) и *oleḱkandur-i* (s. v. *nav-i*), но ни одна изъ нихъ по существу не привноситъ ничего новаго. Данное толкованіе однако требуетъ еще поддержки, особенно въ отношеніи первой части (*ole- || ola-*).

значенія слова *ашѣа модка*, а присутствовавшій тутъ же другой сотрудникъ мой, сверстникъ его, не только не зналъ значенія слова *ашѣа*, но и самого слова, кстатъ, имѣющагося и въ абхазскомъ переводѣ Евангелія, не слыхалъ, но пословицу знаетъ, однако въ иномъ варіантѣ, именно *зашѣау ѡѡу заѣа ѣѡ* „на чьемъ дворѣ находишься, того пѣсю пои!“ Такъ гибнетъ на нашихъ глазахъ живая старина.

VIII.

Впрочемъ абхазско-грузинскія отношенія представляютъ большой интересъ для болѣе поздней эпохи, именно съ IX—X вѣковъ и позднѣе. Съ ними связаны и вопросы по христіанской археологій Абхазіи. Но для реально-народныхъ отношеній имѣются весьма интересные группы вопросовъ, такъ между прочимъ вопросъ о сказаніяхъ, связанныхъ съ древнимъ яфетическимъ культомъ. Одна изъ такихъ легендъ изъ яфетическаго міра докатилась до Греціи, гдѣ она претворена въ сказаніе о Прометѣѣ. Въ родной средѣ та же легенда выработалась въ сказаніе въ Арменіи о *Моһегѣѣ*, въ Грузіи объ *Амиранѣѣ*, въ Абхазіи объ *Авѣрскилѣѣ*. Какому бы яфетическому племени ни принадлежала честь созданія этого сказанія, та редакція, въ которой оно распространено въ Грузіи и Арменіи, несомнѣнно прошла черезъ абхазскую среду. Я сейчасъ не имѣю возможности остановиться на сопоставленіяхъ именъ абхазскаго *Авѣрскилѣѣ*, грузинскаго *Амиранѣѣ* и армянскаго *Моһегѣѣ*; это требуетъ черезчуръ специальныхъ разъясненій. Кромѣ того, самъ сюжетъ сказанія значительно видоизмѣненъ въ Грузіи подъ наноснымъ вліяніемъ героической повѣсти персидскаго происхожденія „Амиран-Дареджаніани“, въ Арменіи—осложненіемъ его чертами изъ христіанскихъ легендъ, тогда какъ это на самомъ дѣлѣ есть одно изъ древнѣйшихъ яфетическихъ сказаній о богѣ солнцѣ, превратившемся въ героя. Само имя его *Амиранѣѣ*, собственно *А-тѣа* или *А-тѣа*, представляетъ абхазское названіе солнца *а-тѣа* или *а-тѣа*, какъ послѣднее появляется въ сложныхъ абхазскихъ словахъ. Изъ абхазскихъ языковыхъ матеріаловъ намѣтилась возможность освѣтить рядъ подробностей въ мифѣ, въ послѣдствіи сказаніи о солнцѣ-героѣ.

Этотъ солнце-герой, изобрѣтатель огня священнаго или, по греческой версіи, его похититель съ неба, тѣсно связанъ своей судьбой съ кузною, въ частности съ абхазскимъ культомъ кузни. Онъ вмѣстѣ съ двойникомъ своимъ героемъ-ковачемъ, въ абхазскихъ народныхъ

сказаніяхъ отдѣлившимся и лучше сохранившимся, даютъ ученому то прикосновеніе къ землѣ, отъ котораго великанъ Атлантъ, по греческимъ сказаніямъ, своими плечами могъ поддерживать небо: съ абхазскими матеріалами о двойникахъ *Амирана-Моһера*, о культѣ кузни и металлургіи и связанной съ ними магіи съ кудесниками-жрецами и кудесницами-жрицами при массѣ переживаній-терминовъ въ самой живой абхазской рѣчи ученый получаетъ, наконецъ, прочную почву не только для поддержанія, но въ значительной степени для созданія теоретическаго построенія съ широкимъ горизонтомъ и глубоко уходящими въ незапамятную сѣдую древность перспективами какъ о самомъ любопытнѣйшемъ сказаніи, такъ о культурномъ мірѣ, въ которомъ оно впервые возникло и развилось.

IX.

О значеніи абхазскаго языка для выясненія яфетическихъ пластовъ въ языкахъ Арменіи кое-что уже напечатано. Каждая поѣздка приращаетъ этотъ матеріалъ. Укажу мимоходомъ, что до привлеченія къ дѣлу абхазскаго языка оставалось необъясненнымъ въ гайканскомъ языкѣ (нынѣ мертвомъ), древнелитературномъ, образованіе мн. числа на звуки *q* и *i*, слова-термины земледѣльческаго быта, подробностей устройства дома и т. п. Эта общность съ цѣлымъ рядомъ другихъ объясняется тѣмъ, что армяне усвоили сказанныя формы грамматической категоріи и нѣкоторые термины культурной земледѣльческой жизни или изъ абхазской рѣчи, значить, отъ абхазовъ, или вмѣстѣ съ абхазами взяли отъ аборигеновъ Арменіи, также яфетидовъ, слившихся въ послѣдствіи съ аrioевропейскимъ племемъ и образовавшихъ съ нимъ армянскій народъ. Въ первомъ случаѣ мы могли бы заключить, что въ абхазахъ, именно въ ихъ коренномъ яфетическомъ словѣ мы имѣемъ отпрыскъ народа, жившаго въ при-Аралатской странѣ, гдѣ въ послѣдствіи народились аrioизованные армяне. Но и во второмъ случаѣ приходится признать, что нѣкогда абхазы жили въ близкомъ сосѣдствѣ со страной, гдѣ въ послѣдствіи, по появленіи аrioевропейцевъ, сложился армянскій народъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ приходится сдѣлать выводъ, что абхазы-яфетиды первоначально жили на югѣ въ предѣлахъ архаичнаго культурнаго міра, близъ его центра, если не въ его центрѣ.

Это теперь многими данными устанавливается: болѣе или менѣе прослѣживается путь, какимъ съ такого далекаго юга передвигались эти яфетиды, нынѣ и съ IV вѣка по Р. Х. извѣстные подъ назва-

нѣмъ abasg'ovъ или въ позднѣйшей грузинской его формѣ—абхазовъ уже на этомъ приморскомъ побережьи, гдѣ они занимали значительно болѣе обширный районъ, доходя на сѣверѣ, по вѣсьмъ видимостямъ, до Анапы ¹⁾.

Правда, передвиженіе ихъ не представляло сепаратнаго одинокаго явленія: оно совершалось въ системѣ общаго великаго передвиженія многочисленныхъ яфетическихъ народовъ и племенъ, начавшагося за много сотенъ лѣтъ до Р. Х. съ великаго распада яфетическо-семитическаго культурнаго міра, когда стали появляться въ Передней Азіи аrioевропейцы. Абхазы могли быть захвачены этимъ великимъ переселеніемъ въ числѣ прочихъ ближайше родственныхъ съ ними народовъ и племенъ, не только адыгейско-черкесскихъ, но и нахча-чеченскихъ и аварскихъ и примыкающихъ къ нимъ дагестанскихъ, однако и въ однихъ абхазахъ, сейчасъ насъ интересующихъ, мы имѣемъ основаніе, какъ въ драгоценномъ обломкѣ цѣлаго, до насъ не дошедшаго, видѣть часть древняго переднеазиатскаго культурнаго міра и, слѣдовательно, рѣдкій живой источникъ для освѣщенія извѣстныхъ культурно-историческихъ вопросовъ далекой Ассиро-Вавилоніи и непосредственно прилегающихъ странъ—вопросовъ, связанныхъ съ ролью не-семитическихъ и не-аріоевропейскихъ народовъ въ ихъ жизни. И потому вполне естественно, что абхазскій начинаеть оказывать помощь въ разборѣ до сихъ поръ не понимавшихся клинописныхъ памятниковъ этого міра, не только Арменіи, но и Мидіи и Элама.

Значеніе абхазскаго языка для опредѣленія и правильнаго толкованія ново-эламскаго языка посильно раскрыто уже въ работѣ моей „Опредѣленіе языка 2-й категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей по даннымъ яфетическаго языкознанія“ ²⁾. Еще при изданіи названной работы въ моемъ распоряженіи было значительно больше фактовъ въ пользу значенія абхазскаго языка въ этомъ вопросѣ, чѣмъ могъ я внести уже въ печатавшуюся статью. Съ тѣхъ поръ каждая поѣздка приращаетъ факты того же значенія. Здѣсь не только мѣстоименія и числительныя, но и глагольныя основы и особенно формы стали ясны и были поняты въ освѣщеніи абхазскихъ матеріаловъ.

Сейчасъ ведется работа надъ древне-эламскимъ языкомъ въ памятникахъ, древнѣйшій изъ которыхъ относятъ къ пятому тысяче-

¹⁾ См. замѣтку мою *О происхожденіи имени Анапа*, привѣсокъ къ работѣ Н. П. Веселовскаго (Зап. Разряда военной археологіи и археографіи Имп. Русск. Военно-Историческаго Общества, С.-Пб. 1914).

²⁾ Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XXII, С.-Пб. 1914.

лѣтію до Р. Х. И помощь абхазскаго языка тѣмъ болѣе усиливается, чѣмъ болѣе удастся установить его сравнительно-историческую грамматику. Не меньшая, если не болѣе большая помощь оказывается абхазскимъ языкомъ въ опредѣленіи халдскаго языка клинообразныхъ надписей ванскихъ царей,—надписей, разсѣянныхъ не только по Вану и его окрестностямъ, но и по Макинскому ханству Персіи, по Эриванской губерніи вплоть до Гокчайскаго озера на сѣверо-востокъ и Чалдырскаго озера на сѣверо-западѣ, уже въ Каресской губерніи.

Въ этой научной области абхазскій языкъ даетъ живой матеріалъ не только для установленія значенія глаголовъ и именъ, какъ напр., *aguni onъ принесъ* при абхазскомъ *agaга приноситъ*, *aguni onъ привелъ* или *заставилъ* прійти, при абхазскомъ *agga ходитъ*, *ba дворецъ* или *крѣпость* при абхазскомъ *a-baa дворецъ*, вообще значительная каменная постройка и т. п.

Абхазскій языкъ даетъ переживанія религіозныхъ терминовъ халдскаго народа, поклонника бога Халды. Этотъ богъ *qald*, какъ теперь выяснено, представляетъ разновидность религіознаго термина *qat*, сохранившаго до сихъ поръ значеніе *боженьки*, *святини* у грузинъ горцевъ, напр. хевсуровъ, тогда какъ въ общегрузинской рѣчи подъ влияніемъ христіанскаго литературнаго языка терминъ *qat-i* получилъ значеніе „иконы“ ¹⁾. Въ абхазскомъ, конечно, по законамъ абхазской фонетики, отъ этого термина сохранена лишь начальная часть *qa-*, но зато она появляется въ томъ сочетаніи, въ какомъ это божество появляется въ халдскихъ клинописныхъ памятникахъ съ звуковымъ чтеніемъ идеограммы *an*, означающей „Бога“. Самъ терминъ *an* *богъ* на лицо въ формѣ *mi*. числа въ абхазскомъ словѣ *anfa* *богъ*, въ которомъ *fa*—окончаніе *mi*. числа, а начальное *a*—абхазскій опредѣлительный членъ сравнительно новаго происхожденія. Слѣдовательно, основа слова по-абхазски представляетъ *n-*, и какъ ванскіе цари за 1000 и болѣе лѣтъ до Р. Хр. обращались съ моленіемъ къ національному Богу своего народа Халду, изображая его въ клинописи терминами *an qald* („богъ Халдъ“), такъ нынѣ еще истый абхазъ обращается къ своей наиболѣе чтимой святинѣ, именуя ее тѣмъ же сложнымъ терминомъ *pa-qa* *богъ Ха*, т. е. богъ Халдъ, получившимъ въ повѣйшее время подъ влияніемъ христіанскихъ представленій значеніе *иконы*, какъ и у грузинъ его болѣе полная форма *qat-i*.

Конечно, здѣсь пока рѣчи не можетъ быть о томъ, будто дока-

¹⁾ Н. Марръ, *О религіозныхъ вѣрованіяхъ абхазовъ*, стр. 125 сл.

зано, что абхазы остатки или халдовъ или эламовъ. Достаточно пока того, что оказались безспорные факты сродства, и налаживается работа истолкованія памятниковъ древнѣйшей и древней культуры чело-вѣчества съ помощью въ строго опредѣленныхъ случаяхъ абхазскаго языка.

X.

Чтобы эти факты изъ абхазской рѣчи, при томъ не первые появившіеся подъ руку, не случайные, а исторически освѣщенные и проверенные возросли, надо много поработать. Абхазскій языкъ долженъ быть изученъ по всемъ тремъ нарѣчіямъ, самурзаканскому, абжуйскому и бзыбскому и по ихъ говорамъ и подговорамъ. Должны быть использованы въ работѣ и говоры абхазовъ, выходящія въ Турцію. Но этого мало. Должно быть выдѣлено изъ нея, изъ абхазской рѣчи все, что наносно въ ней, хотя и съ незапамятныхъ временъ. Лингвистическая палеонтологія въ кавказскихъ языкахъ даетъ возможность вскрывать поразительную исторію взаимоотношеній, въ корень подрывающую націоналистическія или традиціонныя построенія исторіи народовъ Кавказа въ болѣе древнія и древнѣйшія эпохи. Лингвистическая палеонтологія постепенно даетъ средства докапываться въ абхазской рѣчи до ея первичныхъ слоевъ. Но этого мало. Предстоитъ еще болѣе трудная, еще болѣе сложная работа — путемъ сравненій подлиннаго первичнаго пласта абхазской рѣчи съ болѣе близкими по родству языками, именно съ другими коренными горскими языками Кавказа, съ одной стороны, выяснитъ исторію и этого слоя абхазскаго языка, а, съ другой, донестись до первичныхъ общихъ формъ всехъ горскихъ языковъ. Само собой понятно, что вся эта работа должна быть построена на данныхъ сравнительно-исторической грамматики горскихъ языковъ, отъ отсутствія которой сильно страдаетъ общая сравнительная грамматика яфетическихъ языковъ. Трудность этой работы не въ многочисленности языковъ и нарѣчій (однихъ языковъ Дагестана нѣсколько десятковъ): наоборотъ, въ этомъ именно надежное ручательство правильности и прочности примиряющихъ все факты и ихъ освѣщающихъ конечныхъ выводовъ, которые лягутъ и уже ложатся въ основу всего построенія. Трудность состоитъ въ томъ, что, если черкесы или адыгей еще сохранили съ абхазами въ рѣчи болѣе близкое сравнительно сродство, оба они, съ одной стороны, и горскіе языки восточнаго Кавказа, съ другой, значительно разошлись. Лингвистически сейчасъ уже устанавливается, что названные народы

и племена занимали непрерывно всю горную полосу отъ Чернаго моря до Каспійскаго, распространяясь на югъ и на сѣверъ отъ хребта. Не только карачайцы-турки и осетины или ироны-арійцы, но и грузины-яфетиды въ этой полосѣ новые сравнительно съ горцами обитатели. Позднѣйшіе побѣдители ироны, карачайцы, грузины занимали именно главные проходы хребта и прилегающіе къ нимъ районы, и тѣмъ, сдѣлавъ брешь въ непрерывной ближайшей цѣпи родственныхъ племенъ, разобщили абхазо-черкесскую группу отъ чеченскихъ и лезгинскихъ народовъ и племенъ. Правда, въ самомъ разобщающемъ лингвистически средостѣіи, въ самомъ, напр., сванскомъ народѣ и горскомъ нынѣ грузинскомъ племени хевсуровъ сохранились слѣды культа, общаго съ культомъ разлученныхъ ими восточныхъ и западныхъ кавказскихъ горцевъ, въ частности съ культомъ абхазовъ, но сейчасъ, въ вопросѣ объ языкѣ, намъ приходится считаться съ тѣмъ фактомъ, что обѣ разобщенныя половины, западная и восточная, горцевъ Кавказа, подверглись чужероднымъ вліяніямъ, каждая особымъ. Эти стороннія вліянія, гдѣ уже опредѣлились, ихъ надо только выдѣлать, но гдѣ и не поддаются опредѣленію. Очень сложная и ответственная работа. Но есть путь, есть методъ; слѣдовательно, достиженія обезпечены. Надо безстрашно идти впередъ по пути. Какъ не разъ приходилось мнѣ утверждать, кавказовѣднію открыты перспективы колоссальныхъ культурно-историческихъ работъ. Многоязычность Кавказа, именно то, что для жизни было, быть можетъ, однимъ изъ главныхъ тормазовъ развитія общекавказской культуры и его закрѣпленія и устойчивости, безъ страха возврата къ одичанію, теперь призвано послужить опорой для научнаго рычага, имѣющаго поднять непосильное иначе и наиболѣе утонченной и наиболѣе искусенной европейской научной мысли бремя разрѣшенія неразрѣшимыхъ, казалось, проблемъ по міровой исторіи древнѣйшаго культурнаго чело-вѣчества.

И. Марръ.

